

ёме и обширном «портфеле» журнала считал возможным публиковаться почти в каждом номере. Однако весной 2012 г. срок его полномочий истекал.

Мне казалось, что Сергей был единственным человеком, способным вернуть «Российскую историю» в академическое поле. В нём удивительно сочетались профессионализм, высокий научный авторитет и умение ладить с самыми разными людьми, авторами и читателями журнала. Обращаясь к Учёному совету ИРИ РАН, он утверждал: «Главное человеческое свойство, которым, на мой взгляд, должен обладать главный редактор, и которое на этом посту становится уже немаловажным профессиональным качеством, это – отзывчивость, коммуникативность, общительность, “людскость”, как иногда говорили в XIX веке; это способность работать в режиме постоянного диалога на всех уровнях и по самым разным направлениям».

Уникальность своей кандидатуры Сергей понимал и сам, но решение далось ему непросто, поскольку приходилось жертвовать собственными научными планами и преодолевать недавний травматический опыт руководства «Историком и Художником». Тем не менее при выдвижении на пост главного редактора он поставил перед собой амбициозную задачу, заявив: «В идеале наш журнал должен быть зеркалом того лучшего, что есть в научном сообществе; трибуной, открытой для обоснования самых различных мнений, и вместе с тем высокой планкой, преодолеть которую дано не каждому автору. Особо подчеркну активную роль журнала, которому, на мой взгляд, под силу стимулирование научного поиска, а также процессов интеграции и самоопределения профессионального сообщества всех историков-rossieеведов». Эту позицию поддержали абсолютное большинство членов Учёного совета ИРИ, Бюро Отделения историко-филологических наук и Президиум РАН.

Взявшись за дело, Сергей Сергеевич наметил программу развития журнала, задумал и отчасти подготовил ключевые материалы 2013 г. и в первый же день после утверждения в должности попросил дирекцию Института установить надбавки сотрудникам редакции, не напоминая при этом о себе. Редкий альтруизм сближал С.С. Секиринского с его героями – либералами прошлого.

Татьяна Филиппова: Незавершающийся диалог

Tatiana Filippova (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow): Ongoing dialogue

DOI: 10.31857/S2949124X25020057, EDN: DPBPCR

Все наши встречи с Сергеем – с бесконечными разговорами и спорами; все перезвоны с обсуждением только что пришедших в голову мыслей (как только наши родные терпели эти многочасовые «висения» на телефоне!!!); все с блеском проведённые им научные и публицистические «толковища»; все журнальные и издательские проекты (осуществлённые и задуманные); все публикации с подписью «С.С. Секиринский» – всё это не ушло в прошлое. И поэтому никак не может быть названо ритуально-финальным словом «наследство». Такие учёные, издатели, редакторы и литераторы (настаиваю на этом слове), как он, просто не «помещаются» в минувшем. Свойство и судьба «нарушителей академического спокойствия», каким, безусловно, был Сергей Секиринский, – оставаться в настоящем. Чтобы в науке и исторической журналистике «задавать

планку» интеллектуальной честности, творческой самоотдачи, неизменной щедрости в передаче знания и профессионального опыта.

Как преподаватель Сергей, с 2004 г. – профессор Секиринский, воспитал несколько поколений людей науки и культуры. Именно воспитал, а не просто обучил ремеслу и ознакомил с историей как предметом. Своих студентов он вёл путём диалогичности познания, развивал их критическое мышление и умение чувствовать тонкости в интерпретации исторического материала. Сам облик и стиль общения Секиринского напоминал ученикам о русских профессорах «дореволюционной» школы, а его научно-педагогическая позиция всегда предполагала этическое, ценностное «измерение» присутствия в профессии.

Любимым детищем Сергея являлся, конечно же, задуманный им и талантливо воплощённый (практически в одиночку!) журнал «Историк и Художник». Вопреки множеству понятных трудностей – финансовых, технических, организационных – этот подвижнический проект стал ярким интеллектуальным явлением московской культурной жизни. Он органично совместил в себе печатное издание, междисциплинарную дискуссионную площадку, ценный образовательный ресурс и, наконец, клуб профессионалов и любителей истории.

Именно о таком единстве научно-литературно-художественных форм и сфер Сергей всегда мечтал. В этом опыте, унаследованном от отечественной журналистики XIX столетия, он видел питательную среду для возникновения качественно нового гуманитарного знания. На «вечерах» журнала «Историк и Художник», где собирались не только единомышленники, но и оппоненты (а именно интеллектуальные «стычки» часто и порождали неожиданные идеи), Сергей создавал нечто вроде зачатка «кремниевой долины» для гуманитариев. И у него это получалось. Пусть недолго и в ограниченном масштабе, но по сути – удалось. И это нужно с благодарностью помнить.

Время позволило отпустить гнев на судьбу, отведшую Сергею так мало времени, но боль осталась. Впрочем, в памяти ещё звучат интонации его голоса – они всегда подбадривали, подчас утешали, звали к размышлению, убеждая срочно (а как иначе!) написать какую-то очередную совместную «нетленку», выступить на каком-то чрезвычайно важном мероприятии или непременно высказаться о чём-то актуальном «здесь и сейчас». Одним словом: бодрствовать, не отчаиваться, не прерывать полёт мысли, строить планы... Мягко-ироничный по своей природе, Сергей был чужд высокопарности. Но со своим в высшей степени серьёзным, ответственным отношением к главной миссии – сближению исторической науки, художественной культуры и общественной мысли – он шёл к труднодостижимому идеалу. Вопреки жизненным сложностям и недугам, внешним обстоятельствам и внутренним сомнениям.

А значит, мы продолжим диалог. Будет интересно.

Василий Зверев: Историк и художник

Vasiliy Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Historian and artist

DOI: 10.31857/S2949124X25020063, EDN: DPMMFM

Когда уходит близкий человек, внутри остаётся пустота. И чем старше становишься, тем острее понимаешь, что уже никто и никогда её не заполнит.